

**А. Ю. Юракова¹✉, А. С. Савельева¹,
С. С. Онищенко², П. В. Выкочко (Ковзунова)³**

¹Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия

²Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Кемерово, Россия

³Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Москва, Россия
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Курганная группа Пархаевка в Кузнецкой котловине (эпоха Средневековья): материалы разведочных работ 2024 года

В июне 2024 г. отрядом ФИЦ УУХ СО РАН проведены археологические разведочные работы на памятнике «Курганная группа Пархаевка» (Промышленновский муниципальный округ Кузбасса, левобережье р. Касья). В ходе обследования памятника площадью 65 238 м² уточнены параметры семи курганных насыпей, составлен топографический план и зафиксировано аварийное состояние памятника вследствие интенсивной сельскохозяйственной распахивки и зоогенного воздействия. Подъемный материал (37 предметов) включает литые из сплава на основе меди бляхи-накладки для конской узды с позолотой, нанесенной методом амальгамирования, посеребренную ажурную бляшку-подвеску, железные удила, черешковый однолопастной наконечник стрелы, фрагменты костей человека (подростки и взрослые индивиды), а также кости взрослых домашних лошадей. Сопоставление предметов с комплексами Кузнецкой котловины, лесостепного Алтая и Минусинской котловины позволяет предварительно отнести памятник к сrostкинской культуре рубежа I–II тыс. н.э. Взаимосвязь находок с широким кругом памятников степной Евразии подчеркивает роль Кузнецкой котловины в региональных культурных процессах раннего Средневековья. Выявленные находки актуализируют научную дискуссию о материально-культурном сходстве сrostкинских древностей и комплексов енисейских кыргызов, предлагая новые данные для изучения этнокультурных взаимодействий в Южной Сибири периода раннего Средневековья. Ввиду продолжающегося разрушения комплекса обоснована необходимость проведения спасательных раскопок.

Ключевые слова: археологическая разведка, подъемные сборы, раннее средневековье, сrostкинская культура, бляхи-накладки, Кузнецкая котловина, Южная Сибирь.

**A. Y. Yurakova¹✉, A. S. Savelyeva¹,
S. S. Onishchenko², P. V. Vykochko (Kovzunova)³**

¹Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia

²T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
Kemerovo, Russia

³N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russia
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Parkhaevka Kurgan Group in Kuznetsk Hollow (Medieval Period): Materials of the Archaeological Prospection Works in 2024

In June 2024, the team of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences carried out archaeological prospection works at “Parkhaevka kurgan group” (Promyshlennaya municipal county of Kuzbass, the left bank of the Kasma River). The study of the site of 65,238 square meters in size produced the data clarifying parameters of seven kurgan mounds, a topographical map was drawn up and a critical state of the preservation of the site due to intensive agricultural and zoogenous activity was recorded. Surface finds (37 objects) include patch plates for horse’s bridle

cast from copper based alloy covered by gold using amalgamation method, an open-work silvered plate-pendant, iron bit, tanged arrowhead, fragmented remains of adolescent and adult individuals, and mature domestic horses. Comparison of the objects with other assemblages from Kuznetsk Hollow, forest-steppe Altai and Minusinsk Hollow suggests a preliminary attribution of this site to Srostki culture of the turn of I–II mill. AD. The comparisons of the finds with a large number of sites in Eurasia steppe highlight the role of Kuznetsk Hollow in regional cultural processes in the Early Middle Ages. These finds refresh the scientific discussion of material and cultural similarity between Srostki finds and Yenisei Kyrgys assemblages and suggest new data to study ethno-cultural interactions in South Siberia of the Early Middle Ages. The ongoing destruction of the assemblage call for rescue excavations

Keywords: archaeological prospection, surface collecting, Early Middle Ages, Srostki culture, patch plate, Kuznetsk Hollow, South Siberia.

Введение

В июне 2024 г. отряд ФИЦ УУХ СО РАН под руководством А. Ю. Юраковой проводил работы по определению границ археологических памятников на территории Промышленновского муниципального округа Кемеровской обл. – Кузбасса. Статья вводит в научный оборот результаты обследования одного из памятников – ВОАН «Курганная группа Пархаевка», который располагается на левом берегу р. Касьма (левый приток р. Иня), на землях, используемых под пашню, в 0,06 км к ВСВ от заброшенного каменного карьера. Памятник открыт в 2021 г. отрядом Кузбасской комплексной археолого-этнографической экспедиции Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева под руководством А. М. Илюшина [Илюшин, 2022]. Им охарактеризована морфология и расположение семи курганных насыпей, зафиксировано аварийное состояние памятника в результате распашки и обозначена предварительная датировка памятника эпохой Средневековья.

В ходе работ 2024 г. на памятнике впервые получен подъемный материал, позволяющий уточнить его культурно-хронологическую принадлежность [Юракова, 2026]; в статье приведены описания найденных предметов и костных остатков и рассмотрено место памятника в контексте погребальных комплексов Южной Сибири рубежа I–II тыс. н.э.

Характеристика объектов и современное состояние памятника

В ходе работ 2024 г. курганная группа Пархаевка визуально обследована, проведена фотосъемка, составлен топографический план (рис. 1, 1), уточнены параметры и расположение курганов. Границы ВОАН установлены на расстоянии от краев курганных насыпей, а также дополнительно обоснованы в ходе закладки трех шурфов размерами 2×1 м за пределами выявленных по итогу работ границ; археологический материал в них отсутствовал. Площадь памятника составила 65 238 м².

Большая часть курганов (2–7) продолжает подвергаться сельскохозяйственной распашке, их насыпи уже крайне слабо различимы по визуальным при-

знакам. Еще один фактор разрушения – зоогенный: в насыпях фиксируются многочисленные норы животных и подкопы охотников. Курган 1 отличается более высокой степенью сохранности (рис. 1, 3), его насыпь частично задернована, периферия продолжает подвергаться сельскохозяйственной распашке. С южной и юго-восточной стороны периферии насыпи кург. 1, а также на межкурганном пространстве в северо-восточной части насыпи на уровне современной дневной поверхности пашенного поля залегают крупные обломки камней и каменных плит; с наиболее высокой вероятностью их можно считать признаком антропогенного нарушения, а именно – периодической транспортировки через территорию памятника каменной породы из близлежащего карьера.

Могильник состоит из семи курганов, расположенных цепочкой вдоль террасы р. Касьма. Крайним западным объектом является кург. 1, расположенный в 44 м к ВСВ от заброшенного каменного карьера, размеры насыпи – 25 м (С–Ю) $\times$ 21 м (З–В), высота (h) $\leq 1,36$ м. В 150 м к ЮВ от него расположены кург. 2 (29 м (С–Ю) $\times$ 24,7 м (З–В), $h \leq 0,43$ м) и кург. 3 (20,3 м (СЗ–ЮВ) $\times$ 20,8 м (ЮЗ–СВ), $h \leq 0,18$ м). Также в южной части памятника, в 80 м к ВСВ от предыдущего, расположен кург. 4 (19 м (С–Ю) $\times$ 14,6 м (З–В), $h \leq 0,26$ м). В северо-восточной части могильника локализуются три кургана – кург. 5, в 95 м к С от кург. 4 (18,5 м (С–Ю) $\times$ 15,5 м (З–В), $h \leq 0,29$ м) и 6, в 22,7 м к СВ от пятого кургана (26,5 (СЗ–ЮВ) $\times$ 22,1 м (ЮЗ–СВ), $h \leq 0,4$ м). На северо-востоке цепочку объектов замыкает кург. 7, находящийся в 54 м к В от предыдущего, размерами 17,7 м (СЗ–ЮВ) $\times$ 16,8 м (ЮЗ–СВ), $h \leq 0,26$ м.

Характеристика подъемного материала

В процессе обследования курганного могильника, на распаханном пространстве, прилегающем к периферии насыпей кург. 1, 2, 4–6 собран подъемный материал (37 предметов).

I. Металлические изделия (13 экз.) включают украшения конской узда, ажурную бляшку-подвеску, а также железные удила, наконечник стрелы и неопределимые фрагменты изделий. Для изделий из цветного металла определен элементный состав методом

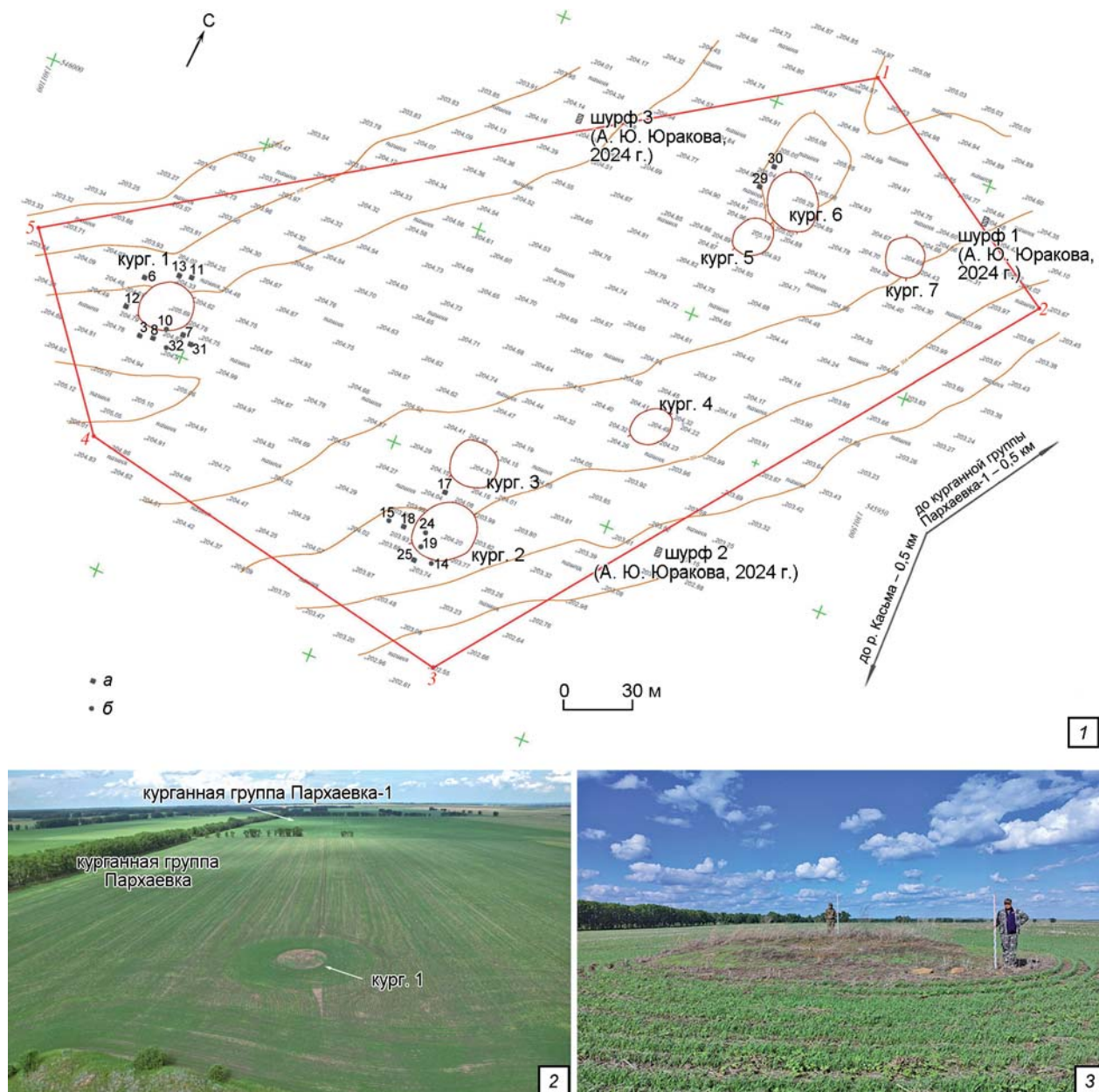

Рис. 1. Курганная группа Пархавка.

1 – топографический план 2024 г. с указанием местонахождения подъемного материала (а – металлические изделия, б – антропологический материал); 2 – общий вид памятника с юго-запада; 3 – вид насыпи кург. 1 (фото с юго-запада).

неразрушающего энергодисперсионного анализа поверхности в ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390 LA с энергодисперсионным рентгеновским детектором JED – 2300, аналитик – канд. физ.-мат. наук С. А. Созинов. Результаты анализа готовятся к публикации.

1) Предметы украшения конской узды – 8 экз.

– Бляхи-накладки литые, Т-образные, с рельефным орнаментом, слегка углубленным фоном – 2 экз. Размеры – 73 × 57 × 14 мм (рис. 2, 1) и 75 × 56 × 20 мм (рис. 2, 2). Имеют П-образное сечение и вырезные завершения в виде фигурной скобки. Орнамент образован розетками геометрических очертаний, по-

мещенными в центре на полусферическом выступе, а также на окончаниях каждого из трех щитков-лопастей. От розеток на щитках в стороны по оси лопасти отходят по две пары коротких завитков, формирующих подобие листков / утонченных лепестков. Четыре пары таких же листков по четырем сторонам центральной розетки (на полусферическом выступе) ориентированы иначе – так, что не листки «берут начало» от розетки, а розетка обрамлена дугами их пар. Контур блях оформляет тонкий желобок/каннелюр. В окончаниях щитков выполнены круглые мелкие отверстия для сквозных шпеньков/заклепок. В одном случае (рис. 2, 1) на поверхности сохранилась шляпка

Рис. 2. Курганная группа Пархавка. Металлические изделия из подъемных сборов 2024 г. на распаханной площади памятника.

1, 2 – Т-образные бляхи-накладки; 3–7 – прямоугольные бляхи-накладки; 8 – ажурная бляшка-подвеска; 9 – наконечник стрелы; 10 – удила с псалием.

шпенька/заклепки. Изготовлены из сплава на основе меди, поверхность покрыта позолотой, нанесенной способом амальгамирования. Предметы найдены на распаханной периферии кург. 1.

– Бляхи-накладки прямоугольные литые – 5 экз. Рельефный орнамент четырех блях образован центральной розеткой геометрических очертаний. Их размеры – $44 \times 25 \times 9$ мм (рис. 2, 3), $48 \times 25 \times 9$ мм (рис. 2, 6), $46 \times 25 \times 8$ мм (рис. 2, 4) и $44 \times 25 \times 8$ мм (рис. 2, 7). На двух предметах (рис. 2, 6–7) четко читается «рубчатость» розетки. От розетки симметрично отходят завитки растительных побегов. В окончаниях блях помещен миниатюрный бутон из трех лепестков, исполнение которого почти во всех случаях нарушено шляпками заклепок или круглыми отверстиями. Абрис блях оформляет тонкий желобок/канне-

люр. Крепежные элементы представлены по четырем углам и в окончаниях блях-накладок разной степени сохранности шпеньками и отверстиями от не сохранившихся заклепок. Описанные четыре бляхи найдены на распаханной периферии кург. 1.

Еще одна бляха найдена между кург. 2 и 3 (рис. 2, 5). Она выделяется меньшими размерами ($33 \times 20 \times 5$ мм) и низкой сохранностью и/или качеством исполнения орнамента. Несмотря на низкое качество оформления и «нестандартный» для серии размер, бляха, по всей видимости, также использовалась по назначению, о чем говорят два шпенька, сохранившиеся в ее окончаниях. Все пять предметов изготовлены из сплава на основе меди, поверхность покрыта позолотой, нанесенной способом амальгамирования.

2) Фрагмент ажурной бляшки-подвески – 1 экз. (рис. 2, 8). Размер сохранившегося фрагмента – $40 \times 30 \times 2$ мм – не позволяет убедительно судить о первоначальной форме изделия. Можно лишь с осторожностью предположить, что предмет представлял собой бляшку-подвеску. Изготовлена из сплава на основе меди с серебряным покрытием поверхности.

3) Фрагмент железных удил (грызла) с 8-видным окончанием (1 экз.), соединенный с фрагментом псалия со стержневидным телом, уплощенным фигурным окончанием и П-образной скобой,

а другим витком – с кольцом повода (рис. 2, 10). Размеры – $144 \times 60 \times 6$ мм.

4) Наконечник стрелы – 1 экз. (рис. 2, 9). Предмет черешковый однолопастной, с шестиугольной формой пера. Размеры – $84 \times 25 \times 6$ мм. Найден близ западной периферии кург. 2.

5) Фрагменты железных изделий – 3 экз. – в виде изогнутого стержня ($60 \times 5 \times 3$ мм), шила или иного изделия с округлым сечением (длина – 72 мм, диаметр сечения – 4 мм), залежавших у северо-западной периферии кург. 6, обломка пластины ($70 \times 54 \times 6$ мм), найденной у южной периферии кург. 2.

II. Антропологический материал – 6 экз. Определения произведены антропологом П. В. Выкочко (Ковзуновой). В непосредственной близости от насыпи кург. 1 найдены фрагмент ребра с неопределимой

Рис. 3. Курганная группа Пархаевка. Антропологические остатки (1–3) и кости животных (4, 5) из подъемных сборов на распаханной площади памятника.

1 – фрагмент нижней челюсти; 2 – фрагмент позвонка; 3 – фрагмент теменной кости (?); 4 – атлант лошади; 5 – предплечье лошади.

возрастной принадлежностью ($17 \times 80 \times 8$ мм), фрагмент нижней челюсти подростка 15–18 лет ($88 \times 48 \times 15$ мм) и, предположительно, теменной кости ($45 \times 76 \times 5$ мм) взрослого индивида (рис. 3, 1, 3). Определение возраста осуществлялось по степени

стертости первого нижнего моляра и уровню прорезывания коронки третьего нижнего моляра. Близ южной периферии кург. 2 зафиксированы фрагменты, предположительно, лопатки размерами $30 \times 24 \times 3$ мм, фрагмент позвонка размерами $50 \times 38 \times 8$ мм

**Курганная группа Пархаевка. Видовые и анатомические определения костей животных
из подъемных сборов 2024 года**

Полевой №	Анатомическая принадлежность	Видовая принадлежность	Возраст
1	Остистый отросток первого крестцового позвонка	<i>Equus caballus</i>	
2	Фрагмент тела грудного позвонка	» »	ad
4	Фрагмент краниальной части тела позвонка	» »	ad
5	Левое предплечье, у локтевой кости отсутствует бугор и прилегающая часть локтевого отростка	» »	ad
9	Фрагмент стенки кости	?	
16	Атлант	<i>Equus caballus</i>	
20	7-й шейный позвонок	» »	ad
21	Брюшное ребро	» »	ad
22	Колотая проксимальная часть правой лучевой кости с небольшим участком диафиза локтевой кости с обломанным дистальным краем	» »	ad
23	Коленная чашечка	» »	
26	Каменистая кость	» »	
27.1	Колотая проксимальная часть правой лучевой кости с небольшим участком диафиза локтевой кости с обломанным дистальным краем	» »	
27.2	Фрагмент губчатой кости	?	
27.3	Фрагмент губчатой кости	<i>Equus caballus</i>	
27.4	Грифельная кость	» »	
27.5	Фрагмент гребня медиального надмыщелка левой плечевой кости	» »	
27.6	Коронка клыка	» »	с-ц ок 5
28	Антериорная часть нижней челюсти, резцовая часть обломана: левый р2	» »	ad

(рис. 3, 2), а также дистальный эпифиз левой бедренной кости (60 × 45 × 30 мм) индивида в возрасте 15–24 лет. [Алексеев, 1966]. Определение точного возраста индивидов, которым принадлежит собранный антропологический материал, осложнено или невозможно вследствие его фрагментарности.

III. Кости животных – 18 экз. Определения видовой и анатомической принадлежности выполнены канд. биол. наук С. С. Онищенко. Почти все кости и их фрагменты (16 экз.) принадлежат домашней лошади (*Equus caballus*). В составе материалов имеются кости конечностей, осевого скелета и черепа (см. таблицу; рис. 3, 4, 5). По наличию сросшихся эпифизов трубчатых костей конечностей и позвонков, постоянных зубов [Silver, 1963], установлено, что найденные кости принадлежали взрослым животным, часть из которых, судя по наличию коронки клыка в скоплении 27, могла принадлежать жеребцу. Примечательно, что имеются два осколка от одной и той же кости правой лучевой кости, найденные в разных местах могильника, у кург. 2 и 4, примерно в 50 м друг от друга. Это свидетельствует о достаточно значительном растаскивании обломков костей при распашке межкурганной площади от места их первоначального залегания. В составе материалов имеется целая лучевая кость взрослой

особи длиной 315 мм (рис. 3, 5). По классификации В. О. Витта [1952, с. 172–173], такие размеры лучевой кости характерны для группы малорослых лошадей, высотой в холке 128–136 см. Расчетная высота в холке лошади с использованием пересчетного коэффициента составляет 137 см (по: [Boessneck, Driesch, 1984; Driesch, Boessneck, 1974]).

Обсуждение результатов

Материалы подъемных сборов на территории курганной группы Пархаевка вкупе с данными о морфологии курганных насыпей позволяют составить предварительное представление об объектах памятника и его культурно-хронологической принадлежности. По наличию насыпей семи курганов и присутствию среди подъемного материала антропологических остатков индивидов разного возраста (взрослые и подростки), можно заключить, что памятник представлял собой довольно крупное кладбище с различными половозрастными характеристиками погребенных. С учетом того, что в 0,65 км к северо-востоку от него А. М. Илюшиным открыта еще одна курганная группа (см. рис. 1, 2) – Пархаевка-1 [Илюшин, 2022; Юракова, 2026], а часть курганных насыпей могла быть к настоящему моменту

полностью уничтожена распашкой, зафиксированные памятники могли составлять единый ансамбль.

Основания для поиска культурных параллелей дают, в первую очередь, предметы из цветного металла, найденные близ кург. 1–3. Прямые и ближайшие аналогии бляхам-накладкам из Пархаевки по орнаментации находятся в предметном комплексе курганной группы Мусохраново-1 [Тишкин, Илюшин, 2010, рис. 1, 7–10; Илюшин, 2021, рис. 11, 4–7; 12, 10–12], расположенной на расстоянии 20 км. Близкие морфологически предметы известны и в других памятниках Кузнецкой котловины – могильниках Саратовка [Илюшин, 1999, рис. 4, 10], Солнечный-1 [Король, 2021, рис. 1, 1, 2], Ур-Бедари II [Миклашевич, 2010, с. 38], могильнике у с. Тарасово [Бородкин, 1977, рис. 2, 6]. Их датировка определяется различными авторами в рамках второй половины IX–X в. [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012], X–XI вв. [Илюшин, 1999], вплоть до первой половины XIII в. и в широких рамках XI–XIV вв. [Сулейменов, 2008]. Ряд авторов связывает данные памятники с населением сrostкинской культуры, А. М. Илюшин – с шандинской культурой.

Аналогичные бляхи-накладки известны на памятниках лесостепного Алтая, относимых к сrostкинской культуре раннего Средневековья – например, могильников Обьездное-2 [Горбунов, Тишкин, 2022, рис. 119, 37], Корболиха-VIII [Могильников, 2001, рис. 37, 1]. По классификации, разработанной В. В. Горбуновым и А. А. Тишкиным [2022], бляхи-накладки из подъемных сборов на курганной группе Пархаевка следует относить к группе I, отделу I, варианту в [Горбунов, Тишкин, 2022]. По форме Т-образные бляхи соответствуют типу 7, прямоугольные – типу 1 [Там же]. Близкие аналогии «пархаевскому» набору усматриваются также на памятниках Минусинской котловины и Тувы (см., напр.: [Король, Конькова, 2007, рис. 1, 3, 4]).

В целом, бытование Т-образных блях-накладок разные исследователи связывают с тюрками, кимаками, киданями, кыпчаками и енисейскими кыргызами, с носителями культуры чаатас, тюхтятской, аскизской, сrostкинской, шандинской культур. Территория распространения предметов наременной гарнитуры данного типа охватывает степи Евразии от Приуралья до Амура. Прямоугольные бляхи-накладки также имели широкое распространение на территории Западной и Южной Сибири, Казахстана. Хронология памятников, из которых происходят оба типа блях, формирует широкий интервал от VIII до XIV в., с преимущественной, однако, принадлежностью к погребальным комплексам рубежа I–II тыс. н.э.

В технологическом контексте важно присутствие в составе позолоты на поверхности пархаевских Т-образных и прямоугольных блях ртути, указывающей на нанесение позолоты способом амальгамирования. Этот производственный аспект наиболее полно изучен специалистами по материалам из раннесред-

невековых памятников Алтая [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2007, 2008], выявившими, что украшения конской амуниции с золотой амальгамой характерны только для комплексов сrostкинской культуры, относящихся ко второй половине IX – XI в. [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2007, с. 200].

Находке ажурной бляшки-подвески из Пархаевки также соответствует круг аналогий в памятниках раннего средневековья Саяно-Алтая. По наблюдениям А. М. Илюшина, бронзовые сердцевидные подвески в Кузнецкой котловине связаны с захоронениями женщин и девочек; он относит их к категории культовых амулетов – «оберегов при деторождении» [Илюшин, 2012а, с. 168]. Близкие предметы широко представлены на территории Алтая [Грязнов, 1956, табл. LV, 8–11] и в Новосибирском Приобье [Адамов, 2000, с. 59–61].

Дополнительную информацию о характере объектов курганной группы Пархаевка, предварительно, дают фрагментированные и целые кости лошадей, найденные в поверхностном залегании. В средневековых курганах Кузнецкой котловины набор целых костей (ребра, позвонки, длинные кости конечностей и фаланги) встречаются в составе сопроводительных захоронений целых туш лошадей, например, в могильниках Калтышино I, кург. 1 [Савинов, 1997], Озерки I, кург. 8, Озерки V, кург. 1 [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012], Конево [Илюшин, 2012б]. Колотые или обломанные кости конечностей, черепов и осевого скелета, как правило, являются остатками тризн, которые могут быть локализованы в насыпи, на подкурганной площади или во рву – как, например, в могильниках Калтышино I, кург. 1 [Савинов, 1997], Калтышино II, кург. 2 и 3, Озерки I, кург. 8, Озерки V, кург. 1 [Васютин, Васютин, Онищенко, 2012], одиночный курган Окунево-5 [Илюшин и др., 2021]. Исходя из этого, можно предположить, что курганы Пархаевки также содержат захоронения лошадей и тризновый комплекс.

Заключение

Результаты проведенного междисциплинарного исследования материалов, полученных в ходе археологической разведки 2024 г., позволяют предварительно определить принадлежность курганной группы Пархаевка к числу памятников сrostкинской культуры. В то же время, поиск аналогий «пархаевским» находкам показывает взаимосвязь новых материалов из Кузнецкой котловины с широким кругом культур степной Евразии конца I – начала II тыс. н.э., для которых формы и орнаментация элементов наременной гарнитуры сходны, что определяется понятием «степной орнаментализм», введенным Г. А. Федоровым-Давыдовым [Конькова, Король, 2007, с. 147]. Для понимания особенностей исследуемого комплекса необходимо учитывать и такой фактор, как сохра-

няющаяся в раннем Средневековье маргинальность Кузнецко-Салаирской горной области, обусловленная географическим положением и природными особенностями, что придает особое значение проблемам взаимодействия здесь культурных традиций [Бобров, 2007, с. 111]. Рассматриваемые изделия на фоне имеющих широких аналогий с территориями, расположенных к западу и к востоку от Кузнецкой котловины, актуализируют проблематику сходства материального комплекса культуры енисейских кыргызов и сrostкинской культуры IX–X вв. Южной Сибири [Савинов, 1978, с. 221–223].

Осмотр памятника в 2024 г. зафиксировал, что курганный могильник продолжает разрушаться пашней и иными факторами, описанными в статье. В то же время наличие среди подъемных сборов таких статусных предметов как элементы парадной конской упряжки позволяет предполагать, что по крайней мере кург. 1 может содержать погребения, неограбленные в древности, либо ограбленные частично. По аналогии с другим погребальным памятником раннесредневекового населения долины р. Касьма – Мусохраново-1 – курганный комплекс Пархаевка предварительно может рассматриваться как значимое место захоронения, в т.ч. воинской знати. С учетом продолжающегося разрушения, могильник нуждается в организации спасательных раскопок.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2026-0005 «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика».

Благодарности

Авторы благодарят А. М. Илюшина за предоставленную возможность ознакомиться с отчетной документацией из личного архива и плодотворное обсуждение рукописи данной статьи.

Список литературы

- Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. – Тобольск, Омск: Ом. гос. лит. ун-т, 2000. – 256 с.
- Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – Москва: Наука, 1966. – 251 с.
- Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область как маргинальная территория культурно-исторического развития древних обществ // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. – СПб., 2007. – С. 105–113.
- Бородкин Ю. М. Курганы у села Тарасово // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – Вып. 9. – С. 139–147.
- Васютин А. С., Васютин С. А. Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII –

первой половине IX в. н.э.: природа и культура (степное Присалаирье). – Кемерово: ОФСЕТ, 2012. – 213 с.

Витт В. О. Лошади из пазырыкских курганов // СА. – 1952. – Т. 14. – С. 163–205.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2022. – 320 с. – (Археологические памятники Алтая. Вып. 6).

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сrostкинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 168–172.

Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Использование благородных металлов в изготовлении украшений конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 199–202.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 226 с. (МИА; № 48).

Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. тех. ун-та, 1999. – 160 с.

Илюшин А. М. Амулеты и шумящие подвески в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестн. Кузбас. гос. тех. ун-та. – Кемерово, 2012а. – № 4. – С. 163–170.

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. тех. ун-та, 2012б. – 188 с.

Илюшин А. М. Средневековые курганы в долине Касьмы. – Кемерово: Изд-во Кузбас. гос. тех. ун-та, 2021. – 195 с.

Илюшин А. М. Отчет о проведении археологических разведок на территориях Ленинск-Кузнецкого и Промышленновского муниципальных округов Кемеровской области в 2021 году (Открытый лист № 0534-2021) // Личный архив А. М. Илюшина. – Кемерово, 2022. – 103 с.

Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Онищенко С. С., Сулейменов М. Г. Стационарные полевые исследования в Кузнецком Присалаирье // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). – 2021. – № 16. – С. 87–91.

Конькова Л. В., Король Г. Г. Набор средневековых ремешковых украшений с мифическим персонажем из Минусинской котловины Саяно-Алтая (комплексное исследование) // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 89–92.

Король Г. Г. Комплект средневековых ремешковых украшений из Кузнецкой котловины и проблема культурных влияний // Уч. зап. музея-заповедника «Томская Писаница». – Кемерово, 2021. – Вып. 14. – С. 47–68.

Король Г. Г., Конькова Л. В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // Археологические вести. – 2007. – Вып. 14. – С. 145–156.

Миклашевич Е. А. Виртуальная выставка «Торевтика крупным планом» к открытию конференции «Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии» (Барнаул, 25–28 августа 2010 г.). – URL: <http://archeology.asu>.

ru/images/5/52/Vystavka_Torevtika.pdf (дата обращения: 27.05.2026).

Могильников В. А. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 77–139.

Савинов Д. Г. Этнокультурные связи енисейских кыргызов и кимаков в IX–X вв. // Тюркологический сборник. – 1975. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – С. 209–225.

Савинов Д. Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н. э.) // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 77–99.

Сулейменов М. Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганный группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 93–96.

Тишкин А. А., Илюшин А. М. Рентгенофлюоресцентный анализ предметов торевтики из кургана № 3 памятника Мусохраново-I (Кузнецкая котловина) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 94–100.

Юракова А. Ю. Отчет о проведении археологической разведки на территории Промышленновского муниципального округа Кемеровской области – Кузбасса в 2024 году // Архив лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН. – Кемерово, 2026. – В 2 т. – 281 с.

Boessneck J., von den Driesch A. Die zoologische Dokumentation der Reste von vier Pferden und einem Hund aus einem mykenischen Schachtgrab in Kokla bei Argos (Peloponnes) // Spixina. – 1984. – Vol. 7, N 3. – P. 327–333.

Driesch A. von den, Boessneck J. Kritische Anmerkungen zur Widerristhöhenberechnung aus Längemaßen vor- und frühgeschichtlicher Tierknochen // Säugerkd. – Mitt., 1974. – Vol. 22. – P. 43–47.

Silver I. A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. – N. Y., 1963. – P. 250–268.

References

Adamov A. A. Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv. Tobo'sk, Omsk: Omsk State Univ. Press, 2000. 256 p. (In Russ.).

Alekseev V. P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966. 251 p. (In Russ.).

Bobrov V. V. Kuznetsko-Salairskaya gornaya oblast' kak marginal'naya territoriya kul'turno-istoricheskogo razvitiya drevnikh obshchestv. In *Kul'turno-ekologicheskie oblasti: vzaimodeistvie traditsii i kul'turogenez*. St. Petersburg, 2007. P. 105–113. (In Russ.).

Boessneck J., von den Driesch A. Die zoologische Dokumentation der Reste von vier Pferden und einem Hund aus einem mykenischen Schachtgrab in Kokla bei Argos (Peloponnes). 1984. Vol. 7, N 3. P. 327–333. (In Germ.).

Borodkin Y. M. Kurgany u sela Tarasovo. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo, 1977. Iss. 9. P. 139–147. (In Russ.).

Driesch A. von den, Boessneck J. Kritische Anmerkungen zur Widerristhöhenberechnung aus Längemaßen vor- und frühgeschichtlicher Tierknochen. *Säugerkd. Mitt.*, 1974. Vol. 22. P. 43–47. (In Germ.).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A. Kurgany srostkinskoi kul'tury na Priobskom plato. Barnaul: Altai State Univ. Press,

2022. 320 p. (Arkheologicheskie pamyatniki Altaya. Iss. 6). (In Russ.).

Gorbunova T. G., Tishkin A. A., Khavrin S. V. Ispol'zovanie blagorodnykh metallov v izgotovlenii ukrashenii konskogo snaryazheniya (po materialam rannesrednevekovykh pamyatnikov Altaya). In *Altai-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. P. 199–202. (In Russ.).

Gorbunova T. G., Tishkin A. A., Khavrin S. V. Zolotoe amal'gamirovanie v oformlenii khudozhestvennogo metallasrostkinskoi kul'tury. In *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii*. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 168–172. (In Russ.).

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1956. 226 p. (MIA; No. 48). (In Russ.).

Ilyushin A. M. Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya. Kemerovo: Kuzbass State Univ. Press, 1999. 160 p. (In Russ.).

Ilyushin A. M. Amulety i shumyashchie podveski v kul'ture srednevekovogo naseleniya Kuznetskoi kotloviny. *Vestnik KSTU*. Kemerovo, 2012a. No. 4. P. 163–170. (In Russ.).

Ilyushin A. M. Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura. Kemerovo: Kuzbass State Univ. Press, 2012b. 188 p. (In Russ.).

Ilyushin A. M. Srednevekovye kurgany v doline Kas'my. Kemerovo: Kuzbass State Univ. Press, 2021. 195 p. (In Russ.).

Ilyushin A. M. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok na territoriyakh Leninsk-Kuznetskogo i Promyshlennovskogo munitsipal'nykh okrugov Kemerovskoi oblasti v 2021 godu (Otkrytyi list № 0534-2021). Lichnyi arkhiv A. M. Ilyushina. Kemerovo, 2022. 103 p. (In Russ.).

Ilyushin A. M., Kovalevsky S. A., Onischenko S. S., Suleimenov M. G. Stationary Field Studies in Kuznetsk Prislairye. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altai (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzevedenie)*. 2021. No. 16. P. 87–91. (In Russ.). doi:10.37386/2687-0584-2021-16-87-91

Konkova L. V., Korol G. G. Nabor srednevekovykh remennykh ukrashenii s mificheskimi personazhami iz Minusinskoi kotloviny Sayano-Altaya (kompleksnoe issledovanie). In *Altai-Sayanskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007. P. 89–92. (In Russ.).

Korol G. G. Medieval Belt Ornamentation Set from Kuznetsk Depression and the Issue of Cultural Influence. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya Pisanitsa"*. Kemerovo, 2021. Iss. 14. P. 47–68. (In Russ.). doi:10.24412/2411-7838-2021-14-47-68

Korol G. G., Konkova L. V. Yuzhnosibirskie importy v Vostochnoi Evrope i problemy etnokul'turnogo i regional'nogo vzaimodeistviya v X–XIII vekakh. *Arkheologicheskie vesti*. 2007. Iss. 14. P. 145–156. (In Russ.).

Miklashevich E. A. Virtual'naya vystavka «Torevtika krupnym planom» k otkrytiyu konferentsii "Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii" (Barnaul, 25–28 avgusta 2010 g.). URL: http://archeology.asu.ru/images/5/52/Vystavka_Torevtika.pdf (Accessed: 27.05.2026). (In Russ.).

Mogilnikov V. A. Kurgany s truposozhzheniyami v severo-zapadnykh predgor'yakh Altaya. In *Altai i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2001. P. 77–139. (In Russ.).

Savinov D. G. Etnokul'turnye svyazi eniseiskikh kyrgyzov i kimakov v IX–X vv. In *Tyurkologicheskii sbornik*. 1975. Moscow: Nauka, GRVL, 1978. P. 209–225. (In Russ.).

Savinov D. G. Mogil'nik Kaltyshino I (novye materialy po arkheologii nachala II tys. n. e.). In *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoi kotloviny*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997. P. 77–99. (In Russ.).

Silver I. A. The ageing of domestic animals. In *Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research*. N. Y., 1963. P. 250–268.

Suleimenov M. G. Srednevekovyi kompleks vooruzheniya kochevnikov Kuznetskoi kotloviny (po materialam kurgannoi gruppy Solnechnyi-1). In *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii*. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 93–96. (In Russ.).

Tishkin A. A., Ilyushin A. M. Rentgenoflyuorestantsnyi analiz predmetov torevtiki iz kurgana № 3 pamyatnika Musokhranovo-1 (Kuznetskaya kotlovina). In *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii*. Barnaul: Azbuka, 2010. P. 94–100. (In Russ.).

Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. Onishchenko S. S. Kaltyshinskii arkheologicheskii mikroraiion v kontse VIII – pervoi polovine IX v. n.e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prislair'e). Kemerovo: OFSET, 2012. 213 p. (In Russ.).

Vitt V. O. Loshadi iz pazyrykskikh kurganov. *Sovetskaya arkheologiya*. 1952. Vol. 14. P. 163–205. (In Russ.).

Yurakova A. Y. Otchet o provedenii arkheologicheskoi razvedki na territorii Promyshlennovskogo munitsipal'nogo okruga Kemerovskoi oblasti – Kuzbassa v 2024 godu. Arkhiv laboratorii arkheologii FITs UUKh SB RAS. Kemerovo, 2026. In 2 vol. 281 p. (In Russ.).

Юракова А. Ю. <https://orcid.org/0000-0003-2548-2459>

Савельева А. С. <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

Онищенко С. С. <http://orcid.org/0000-0002-2314-3683>

Выкочко (Ковзунова) П. В.

<https://orcid.org/0000-0002-7312-7817>

Дата сдачи рукописи: 1.06.2026 г.